

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РАД
С
Я
И
В

ОФИЦЕРША *Сила* ВЕРИТЬ

18+

Лия Седая

Офицерша. Сила верить

«Автор»

2026

Седая Л.

Офицерша. Сила верить / Л. Седая — «Автор», 2026

- Ксения, нас подняли по тревоге, – мужа едва было слышно. - За нами уже подходят борты, так что домой не жди.- Погоди, Кирилл. А рюкзак, вещи? Как ты...- Некогда, там выдадут. Все, как смогу – перезвоню. Сына с днем рождения поздравь. Телефонные гудки будто ударили по всем нервам сразу. Утром муж ушел на службу как обычно, а через несколько часов я узнала – куда он отбывает. Но в тот момент даже представить не могла, через что придется пройти. Ему... Мне... Нашей семье.

© Седая Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Г	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лия Седая

Офицерша. Сила верить

Глава 1

– Да, е же мое...

Я опустила руки.

Масляный крем, с которым я вчера провозилась до двух часов ночи, за ночь в холодильнике не застыл, а благополучно с торта стек. Голубыми жирными кляксами на тарелку и вокруг нее. А день рождения у Мишки завтра и он со слезами на глазах умолял меня сделать ему торт. Он же гостей приглашал!

– Кир, – я позвала мужа. – А, Кир...

– Что?

Я повернулась к нему.

Ну, конечно. Муж сидел за столом, ел свой обычный завтрак и даже головы не поднял. С самого утра в телефоне, там же миллион задач! Как будто за ночь что-то кардинально изменилось в батальоне!

Но я все равно попробую. Как уже сто миллионов раз до этого.

– Крем испортился, а Мишка хотел торт. Что делать, а, идеи есть?

– Ксюш, чо ты от меня хочешь, а? Мне опять рапорт отклонили, и ты еще тут! Давай ты мне хотя бы тортами не будешь голову забивать? Пиздец, проблема – торт!

Я от такой вспышки оторопела.

Кирилл одним глотком допил кофе, со стуком поставил чашку на стол и поднялся. Сдернул в прихожей форменную куртку, зашнуровал берцы и я услышала только хлопок входной двери.

Ушел. Оставил меня стоять возле холодильника одну.

С невысказанной фразой, что найти нормальный торт для ребенка в этом его чертовом гарнизоне – проблема, да. И что я совсем не кондитер. И что наш единственный сын – это наша общая забота. Общая!

Ну, я так всегда думала, во всяком случае.

Но в последнее время все больше убеждалась, что у нашего папы мнение, кажется, другое. У него армия. У него служба! Выезды, выходы, графики, расписания, личный состав, наряды, проверки, боевые дежурства, командировки – это важно. А сын с тортом... Ну, подумаешь...

– Сын как раз без торта, – задушить злость уже не получалось. Слишком много ее там накопилось за последнее время, но Кирилл ничего не замечал.

Куда уж командиру батальона!

Он домой если ночевать просто пришел, уже хорошо. Я стряхнула неудавшуюся выпечку в ведро под раковину. Налила себе стакан теплой воды, выпила его медленными глотками, чтобы дыхание восстановить и пошла в детскую.

– Миша, – я опять глубоко вдохнула и выдохнула, прежде чем туда войти. – Просыпайся, сынок, вставать пора.

– Ну, ма-ам...

– Вставай, со мной на работу пойдешь. Садик сегодня не работает, – я раздвинула шторы и крепко сжала челюсти.

До скрипа зубовного!

За окнами – все тот же гарнизон. Уже восемь лет одна и та же картина.

Кирилл привез меня сюда и эти восемь лет я не жила, а существовала. Пыталась дышать, пыталась искать радости. Из ниоткуда! Спасали только подруги да Мишка.

Ах, да! Еще осознание того, что приличная офицерская жена должна нести все тяготы службы наравне с ним.

Кому должна?

Чем дольше я тут жила, тем больше я не этого не понимала. Если б Кир еще поддерживал... А так... Я одна, муж что есть, что его нет.

Номинальная фигура практически.

– Почему не работает, мам?

– Я не знаю, воспитательница в чате написала с утра, – я присела на полуторку, на которой спал сын.

Объяснять ребенку, что в саду опять потекла крыша и пробило старую проводку, сил не было. Этот гарнизон строили в пятидесятые, тут в квартирах с ремонтом проводка горела постоянно, что уж про военный сад говорить.

– На работу не хочу-у... У тебя там ску-учно, – занял Мишка, закутываясь в одеяло.

– Мих, давай, – я распутала его кокон. – Не успеешь позавтракать – пойдешь голодным.

– А шоколадку купишь?

– Куплю, – я вздохнула.

Конечно, куплю, хоть так задавлю совесть немножко. Он ведь про торт еще не знает... Буря еще только предстоит.

– Привет, Марусь, – подружка позвонила, когда мы с Мишкой уже подходили к железнодорожной станции.

– Привет. Я в город поехала, тебе привезти чего-нибудь?

– Мих, смотри, бабочка! – я потыкала пальцем в клумбу, чтобы отвлечь сына и зашептала в трубку. – Торт! Маша, купи торт, пожалуйста! Голубой!

– Что, не срослось с выпечкой? – Маруська, точно такая же, как и я, жена офицера нашей части, захохотала.

– Вообще нет, – я поморщилась. – Еще и Кир утром нарычал. Теперь совсем ничего неохота. Что, Мих, улетела? Ну, пойдем!

– Забей на него, мой тоже трубку не берет. Будет вам торт, еще что надо?

– Ты уже у всех заказы собрала? – входя в здание станции, я улыбнулась.

Так и жили мы.

Город в ста километрах от гарнизона. Кто едет – спрашивает у своих, кому что привезти. Лекарства, которых сюда не возят, продукты, чтоб подешевле, большими объемами. Иначе не выжить, сам один не наездишься, а у меня еще и прав нет. На нашей машине только Кирилл катался.

– Спасибо, Марусь, больше ничего не надо. Ну, если за фруктами поедешь, купи ананас и все. На стол хоть детям поставлю, – я вздохнула.

Маруська про день рождения Мишки знала. Но загружать подругу, у которой тринадцатая неделя беременности идет, чрезмерно я не могла. И так она носится как заведенная, готовится к рождению первенца, пока есть силы и возможность.

– Ладно. Если что вспомнишь, звони.

– Спасибо.

Вздыхать мне не перевздыхать!

Но зато у Мишки будет торт! Настроение все равно приподнялось. Хоть эта гора с плеч упала. О ней весь рабочий день я и старалась думать. Когда продавала изредка заходящим людям билеты на проходящие поезда. Рядом с нашим гарнизоном небольшой поселок на десять тысяч жителей, работы у меня было немного. Когда в обед кормила сына еще вчера пригото-

ленными макаронами по-флотски из контейнера. Когда старалась не сорваться и не начать, как Кирилл, рычать на сына, потому что ему скучно, а у меня в голове миллион мыслей.

До дома мы оба кое-как дотерпели.

– Мам, то-орт! – Мишкин вопль я услышала, когда мыла в ванной руки. – Мама! Зачем ты его выбросила?

На глазах у сына уже блестели слезы.

И я перед ним присела, обняла его за плечики. Глупо было надеяться, что он его в мусорке не увидит.

– Сын, не переживай. Он испортился, поэтому и выбросила. Но тетя Маша привезет новый сегодня из города, честно.

– Честно-честно? – он шумно шмыгал носом.

– Ну, конечно, – я потрепала его по светлым волосам. – Не расстраивайся, будет у тебя торт нормальный. Ладно?

– Ладно...

Он, успокоенный, утопал к себе в комнату, а я привалилась к дверному косяку. Опостылела эта служебная квартира, в которой ремонт никто делать не хочет. Зачем? Она же служебка, зачем деньги тратить?

Кириллу звонить бесполезно. Скажет, что придет, когда придет. И надо бы ужин варить, ребенка кормить, а сил совсем нет.

Душевных, не физических.

Я закрыла глаза и опять вздохнула. Я устала всем угодить и спасти нашу семью. Устала. Ради чего все?

Это не семья, это подобие, где я и Кирилл живем каждый своей жизнью.

– Мам, папа звонит! – Мишка бежал из комнаты с моим телефоном в руках. – Я взял поиграть, а тут папа...

– Да? – я прижала телефон к уху.

– Ксения, нас подняли по тревоге, – мужа едва было слышно из-за гудящих поблизости Уралов.

Только от того, как он меня назвал, мне уже плохо стало.

Ксения – это когда кошмар. Это когда он исчезал неизвестно куда и неизвестно на сколько. Это когда что-то в очередной раз рухнуло и починить уже вряд ли выйдет. Это наши самые жестокие ссоры и мое одиночество.

– За нами уже подходят борты, так что не жди.

– погоди, Кирилл, – я попыталась взять себя в руки. – А рюкзак, вещи? Как ты...

– Некогда, там выдадут. Все, как смогу – перезвоню. У меня техника грузится.

– Кир, где - там? А вернешься ты когд...

Телефонные гудки будто ударили по всем нервам сразу.

– Мам, когда папа придет? – Мишка стоял рядом и дергал меня за юбку. – А, мам? У меня же день рождения завтра, он придет домой?

Глава 2

– Сына, – я смотрела, как исчезло с дисплея окошко звонка, и старалась дышать нормально.

Будто последняя ниточка, которая меня с мужем еще связывала – оборвалась окончательно.

Больно стало, больно...

Он не объяснил даже. Не посчитал нужным, просто довел информацию, словно я его подчиненный и этим должна удовлетвориться.

– Я не знаю, сына. Я не поняла ничего, папа неясно сказал. Сейчас я позвоню и все узнаю, ладно. Ты иди пока, поиграй, ладно? Ты руки вымыл?

– Вымыл я, вымыл, – недовольно протянул Мишка.

Я прижала ладонь ко рту, захватила губы с подбородком в горсть.

Он же большой уже, он уже все считывал на раз. И то, что меня затрясло – тоже.

А Кир... Куда в командировку? В какую? Не бывает обычных командировок, когда вот так тревогу запускают и борты уже на посадку заходят. Не бывает, я уже это знаю! Я набрала номер мужа снова.

Пусть кричит. Пусть ругается.

Я должна понять, что происходит.

Гудки шли и шли, пока сотовая сеть сама не оборвала звонок. И я набрала снова сразу же.

– Ксения, что-о? – Кир явно психовал.

– Расскажи мне все немедленно! – потребовала я звенящим голосом. – Нормально расскажи!

– Учения у нас, – рявкнул он. – Понятно? Учения!

– Какие учения, ты издеваешься? Не бывает таких учений, вы их месяцами готовите!

– Такие! – нормального разговора не получалось. Да и не могло получиться, я это понимала. Мы оба на взводе. – Все, сказал же, позвоню, как смогу!

– С кем ты едешь? Куда?

– Да твою же мать! Сафонов, куда ты, блядь, ставишь? Сказал же, в кузов! Сука, долбобы, твою мать... Притягивай!

– Смолин, я разведусь с тобой, понял? Ответь мне немедленно, слышишь?! – я позорно сорвалась на крик, нервы по всему телу зазвенели.

Он не слышал.

Кирилл, судя по звукам, просто запихнул телефон в карман, даже не скидывая звонок. Новый уровень наших разговоров! Зачем отвечать, если не хочется, да?

Я слышала, как ткань его формы трется о корпус телефона, смазывает звуки и разговоры вокруг моего мужа. И ловила, пыталась поймать хоть какие-то обрывки разговоров, хоть что-нибудь надеялась понять. А слышала только мат, рев двигателей и приказы Кира. Где-то там, у него действительно шли сборы. И мне стало страшно по-настоящему. Он на самом деле уезжает. Снова!

А мы с Мишкой опять остаемся одни.

А завтра у него день рождения, придут другие ребята, будет маленький детский праздник, торт, поздравления. Только вот наш папа был на таком празднике только единожды за всю шестилетнюю Мишкину жизнь. Единожды...

Звонок оборвался, и я медленно опустила руку с телефоном.

Кусала губы, чтобы удержать внутри себя рвущуюся наружу обиду. Каждый раз так, каждый раз! И если первые годы Кирилл еще пытался мне объяснять, сглаживать ее, говорил, что ничего не поделать: жизнь военная такая. То сейчас...

Я нашла в записной книжке номер жены нашего замполтыла и набрала:

– Аня, – я заставила себя сесть на табуретку в кухне. – Ань, привет.

– Привет, ты чего такая?

Вот и она считала!

– Аня, что за командировка у мужиков, а? – я неосознанно стала растирать себе коленку ладонью. – Ты знаешь?

– Командировка? – подруга явно что-то жевала. – Не, не знаю. Зоценко мой же в наряде, без связи с утра. А что, тебе Кирилл звонил?

– Звонил. Сказал, грузятся уже, даже домой не зайдет. Ты когда-нибудь такие учения встречала?

– Странно, – она тоже напряглась. – Шас я, погоди, прозвоню в часть. Перезвоню тебе потом, давай.

– Ага, давай, – я торопливо кивнула, будто она меня видеть могла. – Спасибо.

Я сдвинула телефон пальцами.

Так, что от ребер его больно стало подушечкам. Может, ты просто на эмоциях, Ксюш? Передергалась с утра, обиделась на Кирилла за его грубость, вот и мерещится всякое. Просто накопилось. Сейчас Аня все узнает, а потом расскажет мне. И я выдохну, все будет нормально.

– Да? – схватила телефон, едва он только он начал вибрировать. – Ну, что?

– Короче, Ксень, ерунда какая-то, – голос у Ани тоже стал напряженным. – В канцелярию девчонкам я не дозвонилась, заглушили их, видимо. Зоценко тоже недоступен.

Я сдвинула колено пальцами.

Нет, Ксюш, предчувствие не обмануло. Нормально не будет. Будет страшно, что-то на самом деле происходит.

– Короче, я позвонила Шмак, – продолжила подруга. – Ты же ее знаешь?

– И? – я вспотела от надежды.

Кто ж не знает жену командира части! Это как первая леди в государстве, только у нас – уровень гарнизона.

Лично я ее не знала, они только недавно сюда перевелись, еще ни одного корпоратива у нас совместного не было. Но наслышана была, та еще дамочка. Сплетни, конечно, гуляли. Себе на уме она.

– Слушай, короче, давай, не по телефону? Приходи ко мне, я сейчас еще Машке позвоню, может, она на подъезде где.

– Аня, – позвала я ее. – Не пугай меня, а?

– Давай, собирайся, жду, – она на провокацию не поддалась. – Ставлю чайник. А может и не чайник...

– Ань!

– Да не по телефону, ну! Что ты как в первый раз...

– Мишка-а! – я вскочила, одновременно отбивая звонок вслед за подружкой. – Мишка, одевайся, к тете Ане пойдем!

– Ну, ма-ам...

– Живо!

Я сама заскочила в ванную.

Быстро расчесала волосы, закрутила их в гульку на макушке, заколола несколькими шпильками, растрепала чуть пучок. Пусть девчонки посчитают меня невротичкой тревожной, но мне нужна хоть какая-то информация.

Выдернув сына из детской и надев на него сандалии самостоятельно, чтоб побыстрее, я выпихнула его в подъезд через нитье.

Понимаю, игрушки.

Взрослые разговоры слушать неинтересно, а у Аньки только одна дочь, и та уже для Мишки взрослая, но что поделать. Мы все тут подчиняемся только одному – военной службе. Вся жизнь в гарнизоне крутится вокруг нее, это неизбежно. Дети вырастают в суровых условиях, на них с рождения стоит незримое клеймо – ребенок военного. Они – другие.

Добежать до Аниного дома заняло минут пять.

Гарнизон – тут все близко.

Подняться до третьего этажа, постучать в давно знакомую дверь. И попытаться объяснить себе, зачем я это все делаю. Я же уже все, я же морально почти готова разводиться, я устала.

Зачем так нервничаю?

– О, проходи, – подруга будто за ней и стояла, ждала. – Ксень, я щас, у меня там, в ванной майки замочены по времени, выполоскать надо. Мишка, приве-ет!

– Здравствуйте, тетя Ань, – мой сын выглядел надутым, но о приличиях и субординации не забывал.

– Давайте, на кухню, я там уже приготовила все. Мишань, а ты можешь к Вике или тебе мульты включить? Или голодный? Рис с котлетой будешь?

– Лучше мультики, – обреченно согласился Мишка. – Без риса.

Аня засмеялась, обняла его за плечи и повела в гостиную.

А я скинула босоножки и пошла на ее тесную, как у нас у всех кухню. Чтобы на пороге чуть притормозить от неожиданности.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – жена командира уже сидела за столом. Улыбнулась уголками губ, но лицо радостнее от этого не стало. – Надежда Шмак.

– Ксения Смолина, очень приятно, – я кивнула, отходя от шока.

Ну, Анька!

А сказать не могла?! К встрече с женой командира я готова не была. Это для гражданских такое знакомство ничего почти не значит. А мы... Мы тоже носим невидимые погоны, у нас своя строгая иерархия.

Зачем она ее позвала-то?

– Ну, чего ты встала? – вернувшаяся Аня подтолкнула меня в поясницу. – Прходи.

– Ты уже все?

– Да черт с ними, с этими майками, – она махнула рукой. Достала из шкафчика три бокала, а из холодильника бутылку вина. – Я так понимаю, чай у нас сегодня котироваться не будет?

– Да объясните вы, что случилось? – присаживаясь на стул, я глянула сначала на Надежду, а потом на Аньку. – Я вообще ничего не понимаю. Что за командировка-то такая?

– А вот щас Надя расскажет.

Подруга разлила сразу всю бутылку по бокалам и поставила их на стол. Поломала шоколадку на блюде в качестве простой закуски, нарезала сыр.

– Я еще Машке позвонила, она тоже подъедет, сказала, километров тридцать осталось, – Аня тоже села за стол.

Я смотрела на Надежду.

Маруська хорошо. И посидеть вот так с девчонками тоже хорошо. Но сердце заходило в панике. Что-то не так, что-то случилось плохое.

– Надежда, что это за командировка? – я сжала тонкую ножку бокала пальцами.

– Можно просто Надя, – она опять подняла уголки губ. – А командировка... Девочки, плохо все, кажется.

Мы обе с Анькой застыли.

Смотрели на нее, пока она опустила голову на несколько секунд. Пока собиралась с духом, чтобы нам рассказать то, что сама знала.

– Никакие это не учения. Ну, то есть все делается под видом учений, но на самом деле – нет.

– А что? – Аня взяла кусочек шоколадки и засунула ее за щеку.

– Я не знаю, – Надя вздохнула и тоже потянулась за шоколадкой. – Мне мой муж такие вещи не рассказывает, но я точно знаю, что ничего хорошего там не будет. Я уже по нему вижу, это не рядовая командировка, не в первый раз провожаю в боевые. Надеюсь, что хоть тут будет потише для нас, но нет.

– В боевые? – меня будто опалило.

Кирилл ни разу не был в боевых командировках.

Я даже не думала о таком, такого я не предполагала! Я-то надеялась просто на длительное его отсутствие и все! Я об этом страдала!

– Да. Все почти поехали. Мой муж, твой, Аня. Твой, Ксюш. И весь его батальон, офицеры, в смысле. Насколько я знаю, только срочников не стали трогать, а контрактники тоже почти все едут.

Я одновременно замерзала от ее слов и потела сразу же.

Поймала паузу в ее словах и выдохнула с хрипом:

– Куда? Куда они поехали, Надя?!

Глава 3

– На границу.

– Так, а что плохого-то? – я не могла понять сути. – До границы тысяча километров всего...

– Или через нее, – Надя поджала губы.

Мы с Анькой по команде посмотрели друг на друга.

Куда – через нее? У нас что, какие-то совместные с соседним государством учения? Да как? О таких трубят за полгода из всех военных утыгов, мы бы знали.

– Короче, девочки, – Надежда подняла свой бокал первой и отпила из него несколько мелких глотков. – Готовьтесь к тому, что мужиков мы долго не увидим. И дай Бог вообще увидеть потом.

– Ты что говоришь? – Аня задала вопрос как-то слишком сипло. – Ты что говоришь, Надь?

– То и говорю, – аккуратно подведенные карие глаза жены командира стали еще строже.

– То, что ваши мужики еще никуда не ездили и не участвовали, ничего не значит. И лучше морально заранее подготовиться, может грянуть в любой момент, я так думаю. Хорошо, если первые цинки не с нашими поедут.

– Ты что говоришь? – Анька даже привстала. Протянула руку, стянула с кухонного гарнитура свой телефон, не глядя. – Я сейчас позвоню Зоценко. Куда ему? Он зампотыл, какой с него там толк?

– Он офицер, Аня, а должность не важна.

– Да плевать мне, что он офицер! – подруга вскочила. – У него гастрит! У него должность тыловая! Зачем его Шмак вообще с собой взял?!

Надя осеклась, я увидела.

И Анька увидела. Захлопнула рот моментально, но черта уже была проведена. Невидимая, но очень четко разделяющая нас, обычных офицерских жен и Надежду Шмак, жену командира части.

Она была такой же женщиной, как и мы.

Но на ее плечах будто лежали те самые, большие и важные погоны. Говорят, жена всегда на звание старше мужа. Она несет груза больше, потому что она ждет, надеется, верит. И попутно растит детей, ухаживает за домом, заботится и поддерживает родителей – своих и свекров, старается выжить практически в одиночку там, куда забрасывает судьба.

Без мужа мужняя. Мы все тут такие.

– Аня, сядь, – с нажимом попросила я подругу. – Давайте-ка, девочки, выпьем. Раз уж собрались.

– Да, – подруга медленно присела опять. Положила телефон на край стола. – Давайте.

Мы подняли бокалы, но звук хрусталя в этот раз вышел не веселым, а наоборот. Звонящим, режущим. По нервам ржавой пилой будто.

Вино не лезло.

И из-за новостей о мужиках, и из-за напряженной обстановки между девочками.

Я посмотрела на Аню и приподняла брови без слов. Ну, ты же меня понимаешь, подруга? Ты натворила ерунды. А нельзя. Вот сейчас как раз очень нельзя! Ссориться с женой командира в нашей ситуации очень неразумно. Подлю и расчетливо так думать? Вовсе нет, она сейчас в таком же положении, как и мы. Опыта у нее больше, да, но у нас есть мы все, а она – совсем одна.

Мне стало жутко жалко Надежду. До слез.

Я ведь тоже такой же была, когда мы сюда приехали.

– Надя, ты это, – Анька засунула в рот кусочек шоколадки. – Извини. Я...

– Да нормально все, – она махнула рукой. Положила ее на стол, погладила ладонью узорчатую белую клеенку. – Я понимаю, тоже психовала в первый раз, когда Андрей впервые «за ленточку» поехал.

– Слушайте, ну, я не понимаю, – я тоже отодвинула бокал. – Хотя что-то нам должны довести же?

– Доведут, – она кивнула. – Вопрос – когда? И что к тому моменту случится.

– Мам, ну стучат же! – в кухню заглянула Вика.

– Так открой! – дернулась на дочь Аня. Подскочила, пошла в прихожую. – Это Маруська, наверное. Ну! Я же говорю! Привет!

– Надя, ты реально думаешь, что там будет что-то опасное прям?

Пока ни Ани, ни Маши в кухне еще не было, я повернулась к Надежде.

Я отчаянно пыталась еще верить, что ее слова – неправда. Но... Она опытнее. Она старше и звезды на погонах у ее мужа больше.

– Может, Ксюша, – она поняла, почему я задала этот вопрос, пока хозяйка дома нас оставила. – У нас-то все спокойно, а вот у соседей... Новости читала?

– Читала.

– Вот. Андрей мне прямо не сказал, но я слышала, как он ночами звонил в Москву, своим. Это...

Она вздохнула.

Взяла салфетку, стала разглаживать ее уголок большими пальцами.

– Короче, когда Андрей поднимает перед командировкой свои связи в штабе, это прям плохой признак. Я... Сама не знаю, чего ждать, Ксень, да и он сам, видимо, не знает еще, – она подняла на меня взгляд. – Если что-то узнаю, скажу вам.

– Спасибо, – я едва выговорила благодарность.

Значит, все, правда, серьезно очень.

И Кирилл уехал сразу после нашей ссоры. Злой и раздраженный. Раздерганный, на нервах. А что, если... Что, если действительно, будут боевые действия и его там... Меня, сидя на стуле, стало покачивать.

Я ведь крикнула ему про развод.

Что, если он услышал все же? Пальцы закололо, словно множество иголок одновременно коснулись кожи своими остриями.

– О, всем привет! – Маруська ввалилась в кухню как всегда. Шумная, бойкая, веселая, она занимала много места в любом помещении. – Я Маша!

– Привет. А я – Надя.

Машка прищурилась, оглядела нашу новую общую знакомую. Потом на секунду зажмурилась, и глаза распахнула.

– Шмак, да? – она прищелкнула пальцами с красным ярким маникюром. – Жена комчasti? Я тебя видела в части.

– Именно, – Надя засмеялась.

А я смотрела на нее и думала, как она это делает. За этот вечер можно было бы обидеться на нас на всех раза три. Но у нее хватает мудрости или терпения этого не делать. Смогла бы я так сделать?

Что нужно перенести, чтобы вот так не терять ни духа, ни доброты?

И сколько нужно веры и силы, чтобы не развестись с тем, кто ездит в опасные командировки, рискуя собой и вашей семьей?

– Ксюх, ваш торт в машине стоит, – Маруська взяла табуретку и стала тоже усаживаться за стол. – Хорошо хоть не жарко, нормально доехал вроде. И ананасы я тоже взяла, кстати.

– Спасибо! – мне ее расцеловать хотелось.

Спасен праздник детский, спасен!

Как еще его провести в таких условиях, только.

– Спасибо, – Маша взяла у Ани бокал, в который было налит обычный яблочный сок вместо вина. – Фух, блин, я капец как устала! Ксюх, Кирилл у тебя дома? Я до Лехи дозвониться не могу полдня, что они там делают опять? Я кровать купила в городе, одна же ее на пятый этаж не потащу.

– Мы поможем, Марусь, – в кухне стало совсем тесно и тяжело.

Даже воздух стал ощутимо горячее словно. Душным стал, неприятным.

Как сказать беременной подруге, что наши мужья уехали туда, откуда, возможно, не все вернутся живыми? Собственный мозг тоже пока отказывался в это верить, как ей такое сказать?

– А! – в нагрудном кармане ее джинсовки зазвонил телефон и она облегченно выдохнула.

– Во, звонит! Проснулся, блин! Алло!

Ее слова прозвучали как команда.

Я вцепилась в телефон, открывая мессенджер на ходу. У мужиков есть связь! Но циферка «один» на контакте мужа появилась быстрее, чем я успела развернуть окошко диалога с ним.

А потом захотелось зарыдать:

«Завтра сына поздравь от меня. Скажи, что я его люблю»

Глава 4

Четыре дня.

За эти четыре дня уже произошло многое. Мишкин день рождения, во время которого наша квартира превратилась в маленький детский бедлам. С нормальным тортом! Случилось много созвонов с девочками, в том числе коллективных, по видео. Починили электричество в детском саду, и Мишка снова с удовольствием туда пошел. Наступила пятница, мой последний рабочий день перед отпуском.

А от Кирилла, кроме того сообщения так ничего и не было.

И никому из девчонок мужья тоже не позвонили. Мы писали Наде, но она отвечала коротко: «Пока тишина». Мы строили теории заговора, но легче все равно не становилось. В канцелярии части тоже ничего не знали. Командира нет, придет – все расскажет. Иррациональная ненависть к тем, кто там работал, росла не по дням, а по часам.

– Здравия желаю, Ксения Владимировна, – я вскинула голову и в окошечко увидела улыбчивого сержанта из батальона Кира.

– Здравствуйте, – не улыбнуться ему в ответ было невозможно, хотя настроение лежало на уровне где-то минус сто.

Приятный, в общем-то, парень, а я на работе.

Она у меня такая и есть: быть благожелательной.

– Нам бы билетиков, – он положил перед окошечком стопку военных билетов с вложенными в них требованиями.

– Куда?

Надежда всколыхнулась внутри.

Может, он что-то знает? Может, эти бойцы или контрактники едут туда, где должен быть сейчас Кирилл?

Его сообщение, которого я не ждала даже, меня перевернуло. Я перечитывала это сообщение каждую свободную минуту. И убеждала себя, что так и должно быть. Отец должен думать прежде всего о сыне, я-то что...

Я справлюсь.

– Много куда. Дембея, Ксения Владимировна, – он пожал плечами.

И, кажется, понял все. Уж очень взгляд у парня стал теплым. Сочувствующим даже. Я не знала, как его зовут, но ощутила расположение. И нахмурилась.

Сгребла стопку военных билетов, положила перед собой.

Не надо меня жалеть. Кирилл всегда говорил, что сближаться с подчиненными не стоит. Не потому что нужно быть тварью, а потому что нарушение субординации ведет к панибратству. А это в войсках запрещено.

– Вы стоите? – я опять подняла голову, потому что услышала женский голос.

– Мне оформляют, – контрактник разговаривал с женщиной, которая явно жила не в гарнизоне.

– А, ну понятно, – она нагло оттолкнула его от окошечка. – Опять на час, пока всю стопку сделают, да?

– Продажа билетов в порядке очереди, – я постаралась улыбнуться, но получилось не очень хорошо.

От таких людей, как эта женщина просто за километр несло скандалом и неприятностями.

А я едва держалась и так.

Смотрела в военный билет и не видела фамилии бойца. Зеленая форма на фотографии сводила с ума. Где Кирилл? Что с ними со всеми? Разве за четыре дня они не должны были

доехать до места? Мы ведь не в глухой тайге живем. Почему каждый мой звонок натывается на «абонент вне зоны действия сети»?

За прошедшие четыре ночи я не спала толком ни в одну.

Как я могла сказать ему про развод?

Где мои мозги были?! О чем думает он сейчас?

– А мне не купить! – перед окошечком хлопнулся паспорт и вложенный в него билет. – Мне вернуть надо! Мы на ночной опоздали, деньги обратно верните!

Я глянула на часы по привычке.

Ночных поездов в нашу сторону было два. Но от отправления и первого, и второго уже прошло четыре и шесть часов соответственно. Обычный возврат уже невозможен.

– Давайте, посмотрю, – я взяла ее паспорт и открыла его.

– Ха, – она нарочито грубо хмыкнула. – Ну, посмотри, посмотри.

Я нахмурилась еще сильнее.

Сверила данные билета и паспорта, посмотрела отправление. Дотянулась до нужной папки и вынула чистый бланк на претензионный возврат. Снова положила все это в окошко и сверху примостила ручку.

– Заполняйте заявление, потом подойдете, я вам все оформлю. Деньги вернутся в течение тридцати дней, только реквизиты счета указать не забудьте.

– Чего? – несостоявшаяся пассажирка даже не прикоснулась к своим документам. – Какое заявление, чего ты мне чешешь? Деньги мне давай сейчас за билет, какие тридцать дней?

Взгляд сержантика стал еще более понимающим.

Он нарочно громко откашлялся, чтобы скандалистка поняла, что кроме нее тут еще люди есть, но она даже и не заметила. Или наплевала на это.

– Я не могу вам вернуть средства за проезд, поскольку с момента отправления поезда прошло уже более шести часов. Возврат будет только через заявление, такие правила, – я попыталась призвать ее к нормальной беседе, но уже видела, что зря.

– Чихала я на твои правила! У меня билет стоит две тыщи, а я никуда не уехала! Это для вас, может, копейки, а для меня деньги!

– Возврат вам будет оформлен не полностью, только за проезд. Стоимость плацкарты и сборы железная дорога все равно не вернет. Заявление запол...

– Суки!

Я оторопела.

Всякого ожидала, скандала, истерики, даже жалобы на себя руководству. Но такого – точно нет. Злое слово ударило как пощечина.

– Зажрались военные! – она схватила свой паспорт так, что ручка маленьким снарядам отлетела обратно в меня.

Воткнулась в запястье, прочертила по нему, оставляя яркую синюю чернильную полосу. Упала на пол, а я схватилась за руку.

– Жируете, зарплаты свои получаете, а не делаете ничего! – продолжала плевать женщина. Уже и мне, и сержанту высказывала. – Войну бы на ваши головы, чтобы поняли, что работать надо нормально! Живо бы забегали, каждую копейку бы нашу отработали, дармоеды!

– Женщина, вы думайте, что говорите! – сержанта тоже сорвало.

– Я-то думаю!

Она озлобленно отскочила от парня, потому что он был выше ее головы на две. Махнула на него рукой, на меня.

– Живете тут рядом с нами за своим забором на наши налоги! Катаетесь на своих ино-марках, твари! Отправить вас всех воевать, узнали бы!

– У вас язык без костей, да? Вы-то что про войну знаете?!

– Оттуда! Офицерье сраное!

Она выскочила из зала билетных касс, и дверь за ней хлопнула очень уж громко. Как выстрел пистолетный. Как раскат громовой. В окошечко передо мной ворвался порыв сквозняка, охватил и грудь, и плечи.

И я не выдержала.

Ее слова про войну добили. Нервы сдали. Что, если напророчит, ведьма?

– Ксения Владимировна! – сержант бросился к окошку, но толстое закаленное стекло ему приблизиться не позволило. – Да не слушайте вы дур всяких!

А я не слышала как раз его.

Вакуум в ушах. Я закрыла лицо ладонями и впервые с отъезда Кирилла зарыдала. Громко, с воем. Стыдилась этого, я никогда не плакала при посторонних, но сдержаться не смогла.

Этот паренек еще и из нашего батальона, какой позор!

Что скажет Кирилл, когда узнает?!

Я стиснула зубы. Заскрипела ими! Да пусть что угодно скажет, лишь бы мои опасения не оправдались. Пусть накричит на меня, мне уже наплевать! Лишь бы на связь вышел! Лишь бы вернулся домой!

– Ксения Владимировна, – сержант смотрел на меня с сочувствием. – Не плачьте, пожалуйста. Вернется товарищ полковник, обязательно вернется. Командир же не зря сегодня...

Он резко замолчал, понимая, что сболтнул лишнего.

А вот я стесняться его перестала. И лица своего зареванного с потекшей тушью тоже. Скрывают! Я знала, что в части что-то скрывают!

– Что командир? – мне хотелось уже самой выскочить из-за своего стекла. – Говори, сержант! Что командир? Шмак на связь выходил?

Глава 5

– Надя, это я!

Я нервно постукивала каблуком, пока ждала, когда мне откроют.

Надя была дома, я знала это. Я видела, что у нее на кухне свет горел, когда бежала к подъезду. Кое-как дотерпела до конца рабочего дня, позвонила Аньке, чтобы адрес Шмаков узнать. И прибежала.

Она мне все сейчас скажет.

Контрактник не сказал, но Надя скажет. Ее муж звонил в часть сегодня, это я поняла. Но почему у него связь есть, а Кирилл по-прежнему недоступен?

Вопросы, вопросы...

– Ксюша? Привет, – металлическая дверь, наконец, распахнулась.

– Привет, – я вступила в квартиру, не дожидаясь приглашения, но поняла это уже за порогом. – Извини, пожалуйста. Но я не могу.

Надя прикрыла веки и коротко вздохнула.

А я только сейчас увидела, когда глаза к полумраку привыкли, что она выглядит неважно.

– Надь, ты заболела? – я взяла ее за руку. – Что случилось?

– Нет, – она отмахнулась. – Нет, все нормально. Проходи.

Жена командира прошла по своей прихожей, а я поразилась, насколько худенькой и хрупкой она стала за эти четыре дня, пока мы не виделись. Или это так в темноте узкого коридорчика кажется?

Я решительно стащила с ног босоножки.

Сейчас разберемся!

– Проходи, – Надя пошла вперед меня на кухню. – Я сейчас чайник поставлю. Только у меня к чаю ничего нет, извини.

– Да я не есть к тебе пришла же, – я обернулась к ней, прежде чем сесть.

Она была странной.

Заплаканной, я это уже точно поняла, на кухне было светло, видно все. Любая женщина это поймет. И чайник, который она взяла с подставки, был пустым совершенно. И слишком чистым обеденный стол. Вся кухня выглядела, как и хозяйка – сиротливо.

Пусто. Холодно.

Будто тут никто ничего не готовил уже несколько дней.

– Надя, – напряженно спросила я. – Ты когда в последний раз ела?

– Что? – она обернулась.

Белая домашняя майка чуть встопорщилась на ее груди. Отогнулась, обнажила участок кожи в подмышке. Слишком светлый, я бы даже сказала болезненно бледный.

– Когда ты ела в последний раз? – я строго посмотрела на нее.

Да тут все гораздо хуже, чем у меня!

Мне хотя бы Мишка не дает окончательно упасть в пучину отчаяния, а у Шмаков детей нет, она тут одна сидит все эти дни. И с ума сходит, очевидно же!

– Вчера, – Надя пожала плечами и отвернулась, чтобы взять заварочный чайник.

– Понятно, – я садиться не стала. Поставила сумку на стол и стала засучивать рукава рубашки. – Показывай, что у тебя есть.

– Что? Ксюша, не...

– Надо!

Я оттянула ее от кухонного гарнитура и усадила на стул насильно.

– Ты с ума сошла, да? Ты до чего себя довести хочешь? – я стала открывать все шкафы по очереди. Нашла пакет с картошкой, с луком, выдернула их наружу. – Я в тебя поверила! Я

смотрела на тебя и думала: какая женщина сильная! А ты что? Голодом себя с тоски уморить захотела?

– Ксюш...

– Вот и сиди! – я злилась, но на кого: на нее, на себя или на всю ситуацию, в которую мы дружно попали – разбираться даже не хотела.

Мы ни в чем не виноваты.

Так сложилось. Но это не повод ложиться и помирать, это я точно знала. Я чистила картофелины с остервенением и продолжила на Надю ругаться.

– С ума сошла?! Позвонить не могла? Мы же тут, рядом, мы бы пришли! Ты что, не знаешь, как в гарнизоне жить? Тут друг без друга не выживешь! Или вы всегда в больших городах жили, где доставки есть?

– Да нет. Не только...

– Тогда вдвойне сглупила! Сковородки где у тебя?

Надя встала.

Невольно вовлеклась в процесс, стала мне помогать, сама нашинковала луковицу. И улыбнулась даже, когда по кухне поплыл аромат жареной картошечки. Я ведь специально ее потоньше настругала, чтобы побыстрее приготовить.

– Ешь! – я наложила нехитрой еды в тарелку и поставила на стол. – Хлеба у тебя тоже нет, конечно?

– Я не ем хлеб, – Надя слабо улыбнулась. – А ты? Со мной садись.

– Ладно, так ешь, без хлеба, – я отмахнулась. – Я дома поем, мне еще малому ужин готовить все равно.

– Ксюш...

В глазах у Нади стояли слезы.

И я поддалась порыву. Подскочила к ней, обняла за плечи, поцеловала в макушку.

– Знаешь, как мне одна пожилая прапорщица сказала, когда мы сюда только приехали? Держись за подруг. Друг за дружку держитесь, иначе не выживете. Мужики то там, то сям, а вам жить надо. Так что ты присоединяйся, звони в любое время, если что.

– Спасибо, – я не видела ее лица, но чувствовала, как по моему запястью под Надиным подбородком текут слезы.

– Все, ешь, – я сама смахнула с век жгучие капли. Села напротив нее. – Ешь и рассказывай. Чего редела? Что узнала? Что твой муж звонил?

– Откуда ты узнала? – Надя ладонями растерла слезы по щекам.

– Это же гарнизон! Тут сплетни выбалтываются моментально.

– Понятно, – Надя подцепила первый ломтик картошки, но отложила вилку. – Звонил, да, Андрей.

– И?

Я сжала пальцы в кулак, чтобы не было видно, как они дрожат.

Звонил командир, звонил. Значит, связь есть. Значит, что-то, но стало известно.

– Это не учения, Ксюш, – Надя подняла на меня потухший взгляд. – Я не могла вам сказать по телефону, не могла! Андрей запретил. А выйти...

Она закрыла лицо ладонями, а я сразу же схватила за ее запястья.

– Ну, все правильно! – я подвинула свой стул к ней ближе, чтобы уговаривать было проще. – Мне тоже Кирилл всегда говорит, что язык за зубами держать надо, ты все правильно сделала, Надь. Не реви, позвонил же, ну? Он в порядке?

– Да. Он сказал, что их отправили на помощь, – она опять стала стирать слезы. – Ну, знаешь, вот эти интернациональные миссии?

– Знаю, – я кивнула.

Не знаю я ничерта!

Слышала только, что-то такое Кир рассказывал. Но даже предполагать не могла, что однажды мой муж из занюханного гарнизона поедет в подобную командировку.

– Вот, – Надя пыталась продышаться. – И они, значит, поехали в усиление как бы. Помнишь, я тебе про соседей говорила? Наши мужики будут им помогать.

– И что, там реально все плохо? – я гладила подругу по рукам.

Конечно, подругу!

А как иначе?! Она такая же, как мы, плевать уже на погоны, ей помощь нужна!

– Я не знаю. Андрей сказал, что прилетит завтра бортом. За людьми, еще собирать будет с части.

– Один прилетит? – в груди закололо.

– Я не знаю!

– Все, все, успокойся, – я опять взяла ее ладони. А потом вложила в пальцы вилку с тарелки. – Давай, ешь. Пока не поешь, я не уйду, имей в виду. А потом придумаем что-нибудь, ладно? Разберемся, ешь.

Надя послушно положила в рот картошку, а я закусила щеку изнутри.

Значит, Кира можно не ждать. В чуда я не верю, он завтра не прилетит. Шмак сюда, Кирилл останется за старшего, так всегда было. Да даже если бы прибыл, домой бы не зашел. Они соберут людей, уже наверняка сегодня списки готовы и те, кому лететь, уже дома рюкзаки упаковали. И сразу туда, на нужное место, о котором мы ничего не знаем.

А что остается нам?

Ждать? Сколько?

– Ксюш, тебе звонят, кажется, – Надя закрутила головой. – Не моя мелодия.

– А, да! – я схватила сумку и достала телефон. – Ой, е! Да, слушаю!

– Ксения Владимировна, – в трубке раздался голос Мишкиной воспитательницы.

– Да, да, да! Извините, пожалуйста! Я уже бегу! – я вскочила как ошпаренная. – Сейчас буду!

– Что? – Надя тоже начала за мной вставать.

– Про сына забыла! Он же в саду!

Я выскочила в прихожую и стала натягивать босоножки.

– А ты чтоб доела все, поняла меня? Фотку тарелки мне пришлешь! – я старалась хоть как-то шутить, чтобы подбодрить Надю. – А захочешь, так приходи ко мне ночевать. Все не так скучно, я в отпуск вышла, завтра на работу не надо будет.

– Ой, Ксюш, – она хотя бы немного заулыбалась. – Спасибо тебе.

– Ты вот что, – я выпрямилась и уже без всякой улыбки покачала головой. – Прекращай это, поняла? Я понимаю, нервы. Но есть надо. Если совсем худо будет – приходи. Звони, что угодно. Мы тут все рядом, мы поможем. Маруське же как-то кроватьку затащили на пятый этаж, а тебя вытащим, если понадобится.

– Спасибо.

– Ну, давай, – я раскрыла руки, чтобы обнять ее, а когда Надя подошла, погладила ее по спине. – Не кисни, Муж приедет, забежит на пару минут – хорошо будет. Или сама в часть сходи. И расспроси его там, чего нам ждать-то.

– Ладно, ладно, – Надя кивала. – Спасибо!

Я попрощалась и бегом опять же, поскакала в детский сад.

Позорище! Про ребенка забыла! Добежав до группы, я забрала недовольного Мишку. Решив быть плохой матерью сегодня уж до конца, купила в магазине пачку пельменей.

Дома забросила их в воду, отправила сына переодеться и мыть руки. И, стоя на кухне у плиты, набрала Кирилла еще раз – наудачу.

И гудок пошел...

Глава 6

Я ждала до упора.

До того момента, когда сеть сама скинула звонок. И сразу же набрала еще раз!

– Мам!

– Мих, потом! – губу прострелило резкой болью, так я клацнула зубами. Прокусила ее почти до крови.

Да что ж такое! Ксюня, дыши!

Сеть снова отрубила звонок, но я упрямо набрала снова.

В глазах темнело. Я впервые за свои тридцать четыре года поняла, что такое тахикардия. Грудь изнутри разрывалась от бешеного сердечного стука. Я слышала, как гудит собственная кровь в голове. Единственное, что удерживало меня от молитвы вслух – сын.

– ...нет! Сюда давай!

– Кирилл! – я закричала в трубку, едва услышала щелчок принятия вызова. – Кирилл, где ты?

– Да твою же мать! Перетягивай! Живее! Ампулу дай мне! А-а, сука...

– Телефон где?

– Да похуй мне на телефон! Ампулу!

Голос был чужой.

Несколько голосов. Шум, крики. Телефон Кирилла по звукам куда-то упал. Стукнулся, в динамике все зашуршало и голоса смазались. Будто через плотную ткань все стало слышаться.

А я заскулила.

Ампулу! Кого колят? Кто ранен? Ранен же, я поняла! Значит, у них там...

Понимание обрушилось сверху, как поток ледяной воды. Это Кирилл ранен. Поэтому он не взял телефон, звонок кто-то принял за него, потому что он сам не в состоянии. Но времени на объяснения нет. Тот, кто это сделал – сейчас спасает моего мужа.

– Миленький, родненький, – я шептала, медленно оседая на пол и вдавливая телефон себе в ухо, чтобы хоть что-то расслышать еще. Цеплялась за стену пальцами, чтобы не рухнуть хотя бы. – Помоги ему, прошу тебя. Заклинаю тебя, помоги ему... Помоги, Господи.

– Мам, а ты чего? – Мишка заглянул в кухню.

Увидел, что я сползла по стене на пол, подскочил, встал напротив.

С детской непосредственностью, с любопытной наивностью смотрел мне в лицо, а потом обхватил мои щеки мягкими ладошками.

– Мам, ты плачешь? Тебе больно? Ма-ам.

Я замотала головой, в ужасе зажимая себе рот ладонью.

Ксюша, не пугай! Не пугай его, сумасшедшая! Бери на себя все, тебе отдать некому все равно. Ты все сама должна... Опять!

– Ма-ам, – голос Мишки тоже стал плаксивым.

– Поднимай! Ноги, блядь, ноги! Давай, раз-два...

– Миша, все хорошо, – я хваталась за сына, немного отталкивая его от себя, чтобы он не слышал голосов в телефоне. – Иди в спальню, я сейчас.

– Мам...

– Иди, сыночка! Пожалуйста!

В телефоне что-то грохнуло, и звонок оборвался. Я схватила аппарат обеими руками, снова набрала номер мужа, но электрический голос отрапортовал, что абонент снова стал не абонент.

Выключился или разбился?

– Мама-а, – лицо Мишки скривилось, он тоже готовился зареветь.

– Сыночка! – я вскочила на колени и обхватила его голову. – Не плачь!

Прижала к своей груди, стала гладить маленькую спинку.

Кому молиться? Каким богам молиться, чтобы ты не остался сиротой? Какие слова говорить, чтобы Кирилл нас с тобой не оставил? Помоги ему, Боже. Сохрани нас всех, сохрани ребят, которые с ним рядом.

Только живите, пожалуйста.

Я не могла вдохнуть, горло перехватывало невыразимой болью и ужасом. Приходилось сипеть из последних сил.

– Все хорошо, Мих, – я целовала сына в макушку и не переставала обнимать. – Мне не больно. Мне просто обидно стало, вот я и заплакала. Ничего...

– А кто тебя обидел?

– Да сегодня тетя нехорошая на работу приходила. Ругалась сильно, – я пригладила растрепанные светлые вихры. – Ничего страшного, нормально уже все. Давай, ты поиграй, а я пельмешки сварю, давай? Кушать очень хочется.

– Угу...

Сын пошел к себе, а я опустилась на пятки. Присела, уперлась руками в колени. Закачалась вперед-назад, как спятившая тигрица.

Я не могу.

Я больше не могу. Я сойду с ума как Надя. Она знает больше, поэтому ее так накрыло. И я теперь про Кирилла знаю больше. Но валиться с ног я не имею права. Нельзя. Нельзя. Мишка... У меня есть Мишка. Кирилл написал, что любит его, я не могу его подвести, я должна выстоять.

Слезы закапали на руки и на пол.

Господи! Да лишь бы было ради кого мне стоять! Лишь бы он вернулся!

– Мам, а у нас сметана есть? – Миха уже гонял машинку на пульте по спальне.

– Есть, – я опомнилась. Торопливо стерла слезы со щек и стала вставать. – Есть, я купила.

У меня есть сын.

У меня есть сметана и у нас будет ужин. Жизнь идет, поднимайся, Ксюша. У тебя вся ночь впереди, чтобы порыдать. А сейчас делай свои дела, ты, прежде всего, мать.

Умывшись и высморкавшись, я сварила пельмени.

Зажала в себе боль, заставила ее съежиться где-то на дне души. Закрыла ее в ледяную корку страха. Положила Мишке поесть, поставила на стол сметану, нарезала огурец и хлеб. Вспомнив, как сегодня выглядела Надя, затолкала в себя несколько пельмешек тоже. Заставила себя убрать телефон, поставила стирку, погладила футболочку и шорты на завтра в садик.

Занимала, занимала себя чем угодно. Как на автомате, проговаривала себе мысленно что нужно сделать еще. Лишь бы не думать, не прислушиваться – не зазвонит ли телефон, не придет ли уведомление, что Кирилл снова доступен. Незачем уже.

Завтра прибудет командир.

И если послушная его приказу Надя будет сидеть дома, то я нет. Я пойду в часть. Мне нужны ответы. Если что-то случилось с парнями, а я уже в этом уверена, Шмак будет об этом знать. Когда сын уснул, я выпила валерьянки и легла в кровать с ноутбуком в обнимку. Проверила, есть ли билеты на самолет до родителей. Почитала новости, одновременно боясь и ожидая чего-то страшного. Разозлилась, что нигде ничего не пишут. И резко проснулась от звонка телефона.

– Да? – я смахнула волосы с лица, упавшие на него во сне. В окно уже вовсю светило утреннее солнце.

Божечки, спасибо, валерьянке!

Уставший издерганный организм просто выключился. После нескольких дней бессонницы я смогла поспать.

– Ксюха, вставай! – Маруська в трубку просто кричала. – Командир приехал, всех жен в клуб вызывают! Сейчас прямо, бегом давай!

Глава 7

– Я с ума сойду.

– Не ты одна. Я вчера весь вечер чесалась, как проклятая. Из-за нервов опять аллергия по рукам полезла.

Маруська с Аней переговаривались между собой, а я сжимала и разжимала пальцы на деревянном подлокотнике клубного кресла.

Советское тут все еще.

Сиденья обшили заново, а подлокотники из брусков так и остались. Отполированные тысячами солдатских ладоней. Потертые, залапанные так, что потемнели давно и ничем их уже не отмыть. Только ободрать если со слоем дерева.

Мы ждали командира уже минут сорок, но он все не появлялся.

Стоял одиноко стол на сцене, стул и все. Личный состав части сутился. О чем-то перешептывались контрактники, бегали бегом по территории бойцы, как всегда. Спокойно, Ксюш, спокойно. Просто жди.

От звонка Маши я подскочила с постели как ошпаренная. Собрала Мишку и забросила его в садик, на ходу придумывая оправдание, почему он не может сегодня остаться дома. У меня же отпуск, он о нем знал.

Но брать его сюда с собой было никак нельзя.

– О, Шмак идет! – я резко вскинулась от Маруськиного шепота.

Командир шел по проходу к сцене тяжелой грузной походкой.

И пусть я не знала его в лицо, я бы поняла, что это он только по взгляду. По фигуре, по его манере держаться здесь. Полковник Шмак чувствовал себя тут хозяином. Смертельно уставшим, кажется, но хозяином.

– Здравия желаю, товарищи женщины, – он уселся на стульчик, казавшийся для него маленьким.

Они с Кириллом были в одном звании, но отличались разительно.

Шмак в силу возраста был матерым волком. Прошедшим огонь и воды. И сильно-сильно замученным на этом пути офицером.

Или это я придумываю себе от волнения опять?

– Товарищ полковник, а почему только вы вернулись? – спросил кто-то чуть правее нас.

Нас тут было-то, человек пятнадцать всего.

Негусто. И Нади нет.

– Потому что остальные под командованием полковника Смолина выполняют задачу. Давайте, я сейчас вначале общую информацию доведу? – Шмак бросил на стол несколько листов бумаги на стол перед собой. – А потом отвечу на ваши вопросы, ладно?

– Вопрос только один, когда наши мужья вернутся и что они там делают вообще? – с претензией отозвалась та же женщина.

И в глубине души я была с ней согласна, но...

Командира мне почему-то тоже было жаль. Он тяжело вздохнул, провел ладонью по седым волосам на лбу и сцепил пальцы перед собой на столе.

– Значит, сразу для всех, чтобы никаких недомолвок и лишних рассуждений не было. Наш батальон назначен к выполнению задачи на территории соседнего государства, – командир коротко рубил ребром ладони по столу, впечатывая свои слова в нас всех сразу. – Задача боевая...

– Что значит, боевая? – выкрикнула снова самая несдержанная из нас. – Они там что, воюют, что ли?!

– Боевая, значит, допускает боевые столкновения с противником, – командир отвечал ей, но слушали и пугались все мы. – Вы знаете, что ваши мужья служат в подразделении ОСНАЗ, то есть в войсках особого назначения. Поэтому спрашивать, почему привлечены к выполнению задачи именно мы, а не кто-то другой – не нужно. Приказ пришел сверху, мы отбыли, это понятно?

Зал взорвался возмущением и вопросами.

Я ошарашенно смотрела на Аньку, которая тоже вскочила, а сама не могла пошевелиться. Я все это уже знаю. И она знает. Что толку кричать? Шмак сказал, что Кирилл остался за командира, но что вчера с ним случилось?

Когда командир отделился от группы? Когда он его в последний раз видел?

– В данный момент наш батальон находится на территории соседнего государства, – командир дождался, пока галдеж немного стих и продолжил. – К тому же, в полевой местности, поэтому связь нестабильная. Пугаться, что вы не можете дозвониться до своих мужей – не надо. Я дал приказ, будет выделена телефонная линия в части, вы всегда сможете позвонить и узнать какие-то подробности, если они будут. Это понятно?

– Понятно...

– Далее. Каждая из вас после сегодняшнего собрания должна будет зайти в канцелярию и подписать необходимые документы.

– Какие документы?!

Я тоже вытянула шею.

Подписи? Под чем?

– Ксюня, мне все это не нравится, – Анька рядом сжала мои пальцы. – Мне все это очень не нравится...

А мне как будто нравится!

Я коротко глянула на нее и снова уставилась на командира.

– Вам там объяснят, переживать не надо. Обычная формальность. Значит, далее. Срок командировки приказом не установлен, – командир обвел нас всех взглядом. – Это значит, что мы там будем столько, сколько понадобится. Месяц, два, полгода...

Сейчас уже никто возмущаться и переспрашивать не стал.

Мы сидели, как пришибленные, в полной тишине. Каждая наедине со своими думами и надеждами, что, может, мужики вернутся быстро. Только пальцы Ани сжали мою руку чуть крепче, а Маруська перестала поглаживать живот, просто его накрыла ладонью.

Божечки, а если ее Лешка до родов приехать не успеет?

У них же первенец...

– Со временем мы настроим свои каналы связи, – пообещал нам командир. – Просто не вся техника еще подошла к группе. Развернемся, как положено, связь появится. Потерпите, ладно? Вопросы есть?

Вопросы были...

Женщины спрашивали у командира то одно, то другое. Бывало, что одно и то же разными словами, но я молчала. Как спросить: ранен ли Кирилл или нет? Если я такое спрошу при всех, то командира бабы просто съедят.

Это пока для всех «боевая задача» звучит абстрактно.

Но я ведь дозвонилась, а Шмак сказал связи нет. Значит, Кирилл не с группой уже? Его ранило, и его вывезли, получается?

– Раз вопросов больше нет, – командир поднялся. – Беседа закончена. А! Еще. Жена полковника Смолина здесь?

Я похолодела.

Вцепилась в подлокотники, не в состоянии даже голос подать. Мамочка... Не надо, не надо. Не хочу узнавать ничего страшного, ну, пожалуйста!

– Ксюх, ты чего? – Анька подтолкнула меня. – Тут она, товарищ полковник!

Я видела, что он меня тоже видит.

Шмак со сцены смотрел прямо на меня. И сказал только мне:

– Зайдите ко мне, Ксения Владимировна. Сейчас прямо, другого времени у меня не будет.

Глава 8

– Ксю, мы тебя подождем.

Маруська перехватила Аню в коридоре и удержала рядом с собой, в потоке других женщин, выходящих с собрания.

Я только глянула на подруг затравленно.

Зачем?

Зачем я Шмаку? Решимость выпросить у него все про Кирилла испарилась. Теперь я отчаянно боялась. Страх был сильнее желания получить информацию. Она ведь могла быть какой угодно.

– Ксения Владимировна? – у командира секретарем служил довольно пожилой уже контрактник. И он в лицо меня знал, в одном доме жили. – Проходите.

Шмак исчез из клуба быстро, у него действительно было много дел сейчас. Он торопился и я это понимала.

Не стала искать, сразу побежала к нему в кабинет.

– Здравствуйте.

– Проходите, Ксения Владимировна, – Шмак не сидел.

Стоял у большого сейфа, перебирал в нем какие-то документы. Глянул на меня, снова вернулся к своему занятию, периодически откладывая определенные листы на стол.

– Присаживайтесь, сейчас я, – он убрал одну стопку в сейф, достал вторую, но ее пролистал быстрее. – Некогда, сами понимаете.

– Товарищ полковник, что происходит? – я оперлась руками на подлокотники кресла, чтобы сесть плавно. Ноги не держали уже почти.

– Что, командировка происходит, – он посмотрел на меня как на дурочку. Сказал же уже, что за вопросы? – Я вас чего позвал, Кирилл Олегович попросил вам доверенность передать.

– Какую доверенность? – растерялась я.

На стол передо мной лег лист бумаги, исписанный знакомым почерком.

Это Кир писал, я видела.

– Я заверил ее вместо нотариуса, – снова заговорил командир. – В полевых условиях имею право по закону. А доверенным лицом назначил свою жену, другого человека с данными паспорта просто сразу не вспомнил. Да и удобнее вам будет, думаю, с женщиной общаться.

Какая доверенность?

Я не могла себя заставить взять несчастную бумажку.

– О чем общаться?

– Это доверенность на представление интересов Кирилла Олеговича при вашем с ним разводе, Ксения Владимировна.

Развод...

Меня закачало на кресле. Он слышал... Он услышал те слова и согласился со мной. Кир отказался от меня. Отказался от Мишки...

Но он же любит его! Любит, я знаю!

Зачем?!

– Вы когда в суд поедете, возьмите эту доверенность. Позвоните моей жене, она с вами съездит, там личное присутствие надо будет. Насколько я знаю, с такой доверенностью у вас проблем не должно возник...

– Где он? – я резко встала.

В теле будто факел вспыхнул.

Жег меня, жег каждую мою жилочку. Заставлял стоять, заставлял что-то делать, куда-то бежать. Требовать неизвестно чего.

– Я не могу вам сказать.

– Товарищ полковник, Кирилл написал это до того, как его ранило? – я держалась за спинку кресла, она меня хоть как-то удерживала. Не давала упасть, хотя в голове все кружилось.

– Откуда вы...

– Я звонила ему вчера, – я крепко сжимала и зубы, и губы. – Дозвонилась и услышала, что кому-то что-то колят. Это был Кирилл? Его ранило, да?

– Ксения Владимировна...

– Товарищ полковник, скажите! – выкрикнула я. – Что с ним? Зачем вы мне привезли эту бумажку?

Шмак вздохнул.

Я видела по нему, что ему вот эти мои крики не нужны. Я еще в клубе увидела, как его раздражает необходимость общаться с женами офицеров. Но сейчас жалости к нему уже не было. Как можно жалеть человека, который принес мне такое?!

– Кирилл ранен, да, – светлые глаза командира были на самом деле уставшими. – Это случилось после того, как я отбыл сюда. Был прилет. Но доверенность он мне написал еще по дороге на место дислокации. Так что...

– Где он? – я вскинула голову. – Где он сейчас? Он жив?

– Конкретно сейчас – не знаю, где. Не докладывали еще. Но был жив, дальше уже от медиков зависит, я так понимаю.

Жив...

Был жив! Он не сказал «разумеется», не сказал «конечно»! Значит, угроза жизни Кирилла действительно существует, его ранили серьезно! И вывезли оттуда, я поняла все правильно!

Господи...

Я рухнула в кресло снова.

– Черт, – командир схватил с подоконника стакан и графин с водой. Налил половину, подошел ко мне. – Пейте.

– Нет, – я отвела его руку. Вдохнула с шумом, выдохнула. Подняла на него голову. – Со мной все нормально. Как узнать, где Кирилл находится сейчас?

– Ксения Владимировна, – командир поставил стакан на стол, даже не думая меня уговаривать отпить. – Не надо резких телодвижений делать, вы же понимаете. Я сам еще ничего не знаю, а Кирилл хотел с вами...

Развестись, да.

Я с первого раза понимаю, что мне люди говорят. Только это вранье все. А если не вранье, то пусть он скажет мне это в глаза. Вот эти бумажки непонятные...

Я опять встала, взяла мерзкий листок и разорвала его на две части.

Сложила их вместе и снова разорвала.

– Извините, товарищ полковник, – я кивнула то ли себе, то ли ему. – Спасибо вам большое, что привезли, но мне это не нужно.

Он просто развел руками.

Ну, конечно, ему начерта вмешиваться в семейные дразги своего зама? Понимаю, и даже уважаю за это. Но решать Кириллу за нас обоих я не позволю. У нас сын, я должна думать и за него тоже. Так что пусть все будет по-другому.

Пусть все будет лично.

– Скажите, если Кирилла ранило и достаточно серьезно, куда его могут вывезти? Где я могу про него узнать? – я положила разодранные бумажки на край стола.

– Я пока не знаю, – Шмак покачал головой. – Мне доложат, но когда? Может быть я буду уже там, а связь там – сами знаете, я ведь не обманывал никого, ее реально нет.

– Хорошо. Где я могу узнать такую информацию самостоятельно?

– Ксения Владимировна, – командир поморщился даже.

Я не стала отвечать.

Пусть считает меня истеричкой, если ему так хочется. Пусть на жену свою посмотрит и на то, что с ней стало за эти несколько дней, как он уехал. Мужикам хорошо, они другие. А нам как жить?

Мне сейчас как жить?!

– Где, товарищ полковник? Лучше скажите, чтобы я не начала звонить куда попало, и не навредила вам всем этими звонками.

– Товарищ полковник, Свиридов на проводе, – заглянул в кабинет секретарь.

– Понял. Ксения Владимировна, давайте так, – Шмак положил руку на одну из трубок на своем столе. Снимать ее не спешил, но я поняла, что мне пора. – Я все узнаю сам. И вечером к вам придет нарочный, я отправлю. Он все расскажет, ладно?

Я вдохнула через сжатые зубы почти со свистом.

Обманет? Может ведь сказать, что не узнал просто и все. И ничего я не сделаю, во вранье его не обвинишь. Да и пусть! Сама узнаю! Я землю переверну, но узнаю!

– Хорошо, я буду ждать. До свидания. И, – я пошла к двери, прямая как палка. Обернулась уже на пороге. – Берегите себя, товарищ полковник.

Он кивнул, уже полностью переключаясь на звонок:

– Я, товарищ генерал...

Я закрыла за собой плотно дверь его кабинета.

Вышла из штаба, вышла с территории части. Дошла до конца забора, свернула в сквер, который начинался там сразу же. Села на первую лавку, поставила рядом сумку.

– Нет, – я шептала бездумно, глядя на акацию перед собой. – Нет...

Я торопливо рванула замочек на сумке и достала телефон.

Нет.

Глава 9

– Мама, мы с Мишкой скоро к вам приедем.

Я видела, как передо мной качается ветка акации и ждала реакции.

Любой!

У нас с мамой разница во времени, у нее сейчас довольно раннее утро. А я слишком хорошо ее знаю, чтобы быть уверенной в ней на сто процентов. Бывали уже прецеденты, еще с самой моей юности бывали.

– В отпуск? – мама на самом деле растерялась.

– Можно сказать, что да. Я с сегодняшнего дня в отпуске.

– Ну, так приезжайте. Конечно. Или... Такое время неподходящее, Ксюша, у вас все хорошо? С Кириллом, я имею в виду? Ты никогда так рано не звонила же.

Я прикрыла веки и медленно вдохнула.

Сказать? Наверное, пока не надо. Приеду – потом. Чтобы лично, да и нельзя по телефону много болтать. Это с девочками можно говорить намеками и они поймут, мама в такие тонкости не посвящена. Она этим не живет, я во всей родне единственная, кто рискнул связаться с военным.

Именно на этой почве у нас с ней непонимания и случаются чаще всего.

– Все нормально, мам. Просто так случилось, что экстренно нужно.

– Да, конечно, конечно, – она понизила голос. – Ты, тогда как билеты возьмешь, перезвони мне, ладно? Или напиши.

– Хорошо, – я немножко расслабила спину.

Заставила себя распушить и пальцы на левой руке. Сама не заметила, как сжала их в кулак до такого состояния, что на суставах стало бело.

– Спасибо, мам.

– Ой, дочь, ну что ты говоришь...

Я попрощалась с ней и положила трубку.

То и говорю. Поэтому и опасаюсь за ее реакцию. Мама повторно вышла замуж лет десять назад. Мы уже жили отдельно, но отношения с ее мужем у меня складывались не особо хорошо. Мы друг друга не понимали, поэтому я предпочитала не лезть в их жизнь, а они в мою. Но сейчас мне обратиться просто больше не к кому будет.

Я убрала телефон в сумку и встала.

А дальше – мне нужно к Наде.

Телефон зазвонил снова.

– Да, Марусь? – я приняла звонок от подруги на ходу.

– Ты где? Мы тебя тут ждем, ждем!

– Ой, Маш, – я взмахнула руками. – Я забыла! Выбежала от Шмака и ушла сразу. А вы где?

– Да уже домой пойдем тогда. Что Шмак-то сказал?

– Ничего, – я куснула себя за щеку. – Попросил, как жену зама фильтровать разговоры в гарнизоне. Ну, знаешь...

– О! – засмеялась Машка. – Контроль за сплетнями?

– Типа того.

– А доплачивать за должность будут? – цинично веселилась подруга.

– Ага, жди, – я хмыкнула.

– Ладно, понятно. Пошли мы тогда тоже по домам.

– Ага, созвонимся, – кивнула я ей заочно. – Я вечером наберу и тебя, и Аню.

Наберу я, наберу.

Мне же нужно будет сказать, что я уезжаю, оставить ключи от квартиры. И отбиться от подруг, ничего не рассказывая про ранение Кира. Не нужно им про это знать пока что. Анька слишком переживает, а Маруська... Маруська хоть и не такая чувствительная, зато беременная.

Не от меня эта новость придет в гарнизон. А она придет точно.

Тут все становится известно быстро.

Я дошла до дома Шмаков и постучала в командирскую дверь.

– Ксюша? – Надя ждала явно не меня.

– Привет, – мне стало душевно больно от того, что она, вся такая нарядная, своего мужа увидит сегодня.

На минутку, но увидит.

И он жив, здоров. А Кирилл...

– Привет. Ксюш, а ты...

– Кирилла ранили, я сегодня разговаривала с твоим мужем, – я в квартиру вошла, и дверь за собой прикрыла, чтобы в подъезде ничего слышно не было. – Только он мне не сказал, где мне мужа искать. Надя, мне некогда ждать, да и не верю я, что он мне всю информацию честно доведет, я сама поеду. Ты знаешь, в какие госпитали могут вывозить раненых? Я не знаю, ну, вдруг!

Она отступила.

Сделала два шага вглубь квартиры, положила руку на грудь, будто сердце удержать хотела.

– Ты точно знаешь, что он ранен?

– Да, – я сжимала губы и дышала, дышала, дышала через нос.

– А Андрей тебе ничего не рассказал, да?

– Ну, он сказал, что пока сам точно не знает ничего, – я все же хмыкнула. Неловко жаловаться жене на мужа как-то. – Но когда он узнает подробности и передаст их мне, я не знаю. А ждать невыносимо, сама понимаешь.

– Поедешь? – понимающе кивнула Надя.

– Конечно!

– Сейчас! – она взмахнула рукой и побежала в дальнюю комнату в квартире. – Сейчас, сейчас... Вот!

В ее руках появилась толстая коричневая записная книжка.

Надя перелистывала плотные листочки, исписанные и ручками, и карандашом.

– Я сюда обычно контакты по службе записываю, да и просто обычные, – Надя напряженно что-то искала среди своих записок. – Пару раз телефоны теряла, так что теперь все пишу сюда и держу дома. Сейчас, есть у меня один человек, я когда-то так же Андрея искала, сейчас, Ксюш. Так, а мой телефон где?

Я ждала.

Меня трясло, но я ждала. Если Шмак прямо сейчас явится домой, то ничего я не узнаю, он запретит жене мне все это говорить просто-напросто. Да и вообще неудобно будет. Скажет, вломилась из моего кабинета в квартиру.

Хотя сам же предлагал взять Надю посредником в нашем с Кириллом разводе с этой дурацкой доверенностью. Я мысленно застонала от душевной боли. А что, если все правда?

Что, если я поеду, найду Кирилла где-то, и все он мне подтвердит?

Скажет: сама же хотела, иди. Свободна.

– Сейчас, – Надя торопливо набирала номер в телефоне. Подняла на меня взгляд, когда гудок пошел и кивнула. – Сейчас мы узнаем. Алло!

Я отвернулась, чтобы показать, что чужой разговор я не подслушиваю, а на самом деле, чтобы продышаться.

Больно, больно... И страшно.

Куда я поеду? Как?

Не проще ли остаться и ждать официальной информации? Та, которую я найду самостоятельно, не сможет ли оказаться слишком... жестокой? Тащить ребенка на такое расстояние, чтобы потом где-то психологически развалиться?

Смогу ли я?

– Подполковник, подожди, – Надя схватила меня за руку, требуя помощи. – Подполковник...

– Смолин! – сообразила я. – Смолин Кирилл Олегович, восемьдесят седьмого года рождения.

– Подполковник Смолин Кирилл Олегович, восемьдесят седьмой год, – повторила Надя кому-то в трубку. – Да. Да, хорошо, жду.

Мне хотелось упасть.

Опуститься на колени. Я понимала, что Надя передала кому-то данные моего мужа, чтобы его где-то поискали, но где?

И что они найдут...

– Да? – она схватила меня за руку. То ли удержала, то ли сама оперлась на нее. – Да, да, я слышу. Так...

Я только сейчас поняла, что стоит за красивыми словами «она умирала внутри», которые я когда-то в молодости читала в красивых романах. Умирать внутри, это значит умирать душой.

Когда она рассыпается на части.

Когда сердце не то что не бьется, оно просто замирает в ожидании самой ужасной новости в твоей жизни. Но ты все равно ее ждешь, потому иначе нельзя. Потому что даже самое плохое нужно выслушивать, спрятаться не выйдет.

– Да? Точно? А можешь мне прислать куда-нибудь это все? Ага, спасибо тебе огромное!

– Надя отняла трубку от уха, когда собеседник ей еще что-то говорил.

– Что? – я не выдержала. – Надя, скажи!

– Нашли! Ксюша, его нашли!

Глава 10

– Что у тебя с Кириллом?

Мама поставила передо мной кружку с чаем и села напротив.

Мы приехали буквально часа четыре назад. Оставили квартиру в гарнизоне на Аню и Маруську. Я наврала подругам, что просто еду в отпуск, развеяться. Что нервы не выдерживают уже, а они, если и не поверили, то ничего не сказали. Мы протряслись с Мишкой сутки в поезде, выгрузились на родном мне вокзале, наобнимались и нацеловались с мамой и бабушкой.

А сейчас Мишка играл со своим неродным дедом в шахматы, а мама вот, решила мне допрос, судя по всему устроить на кухне.

– Все нормально, – я повернула кружку ручкой направо.

– Ксюша, – мама вздохнула. – Ну, я же тебя знаю.

Я молчала.

Ковыряла ногтем небольшую трещинку на фарфоре и молчала. Правду сказать придется. Вопрос только в том, что она может проболтаться свекру. Матери у Кирилла давно уже не было, только отец и то довольно пожилой уже. И пусть созванивались мы редко, но как ему сказать про ранение сына – я не знала.

Пока лучше вообще молчать.

К тому же, я и сама еще ничего толком не знаю. Мне сначала доехать до мужа надо. Билет уже лежал в сумке, я заранее взяла. А вот как сказать маме и сыну о своем отъезде – еще не придумала.

– Ты что, сбежала от него? Ссоритесь? Ты больная вся.

– Мам, мне надо будет уехать завтра, – я не поднимала глаз.

– Куда? – она даже выпрямилась.

– Кирилл ранен, мне надо к нему в госпиталь, – я специально говорила быстро, чтобы смелость не успела закончиться. – А Мишку с собой не возьмешь. Я не знаю, вдруг там за Киром ухаживать придется? Ты сможешь его у себя оставить?

Мама даже рот приоткрыла от изумления.

Смотрела на меня, будто впервые увидела. Будто оглохла от новости. И я ее понимала. Чай не лез, ничего не хотелось. Да и мама... Я не сильно надеялась, что она согласится с Мишкой сидеть.

Отчим может быть против.

– Ксюша, – мама положила руку на грудь. – Как ранен?

– Они в командировку уехали шесть дней назад. Неожиданно, по тревоге. А там, – я заставила себя отпить глоток, чтобы сухость во рту пропала. – В общем, он ранен. Мне помогли его найти, он в госпитале сейчас, вывезли. Но в каком состоянии, я не знаю.

Про доверенность на развод я решила молчать.

И так новости ужасные, куда уж еще-то добивать? Мама с ее категоричностью может мне начать запрещать ехать к мужу. Скажет: решил разводиться, так и плюнь на него.

А я не могу... Не могу!

– Ксюша, а что, если он, – мама не договорила.

– Мне нужно поехать, – упрямо покачала я головой. – Сутки назад он был жив.

– Да я не об этом, – она схватила меня за руку, вынуждая посмотреть на нее. – Что, если он инвалидом останется? Ты об этом подумала?

– И что? – я не поняла ее намека.

– Ксюша, ну, что ты как маленькая! – мама всплеснула руками. – Если ему ногу оторвало или руку?!

– Мама, что ты говоришь?!

Я вскочила.

Чашка качнулась на столе, и я прикипела к ней взглядом в испуге. Мы обе на нее смотрели, но она устояла. Не пролился янтарный напиток на аккуратную чистую скатерть.

– Что я говорю? – мама начала заводиться тоже. – То и говорю. Ты не знаешь ничего, вдруг там обрубыйш лежит на койке, а ты явишься!

Я смотрела на нее и не узнавала.

Да не может она быть такой циничной. Это же Кирилл! Она его своим сыном называла!

– Вы чего тут кричите? – в кухню вошел отчим. – Что случилось?

– Кирилла ранило, – мама повернулась к нему. – А эта дурная к нему ехать собралась, хоть не знает ничего! А если он там инвалид какой? Как жить-то потом с таким, а?

– Кирилла ранили? – отчим удивленно посмотрел на меня. – Где?

– В командировке, – сквозь зубы ответила я.

Нет, это бесполезно.

И просить их посидеть с Михой тоже было бесполезно. Какое тут посидеть! Какая тут может быть поддержка?! Кир жив, а они его уже хоронят.

– Что с ним?

– Я не знаю, – я подняла голову. Ну и ладно. Не сильно-то и рассчитывала. Справлюсь сама, что мне еще делать. – В общем, ладно. Я поняла.

– Ксюша, ну, я ведь правду говорю, – голос у мамы был расстроенным.

Я знала.

Но мне такая правда не нужна. Я к ней готова не была. Я ее не хотела и не принимала.

– Так, я не понял, – отчим строго глядел на нас обеих. – Ксюша, еще раз. Кирилл ранен, так?

– Тише ты, – зашипела на него мама. – Мишка же не знает!

– Кирилл ранен, так? – повторил уже тише отчим.

– Да, – мне было откровенно плохо.

– И он где?

– В госпитале.

– И тебе туда надо ехать, да? – отчим загибал пальцы на руке, чтобы, видимо, лучше фиксировалась информация.

– Да.

– И в чем проблема? – он оглянулся на маму.

– Ксюша просит нас посидеть с Мишей, – она начала ему объяснять. – А у нас с тобой мало того, что дача, так еще и непонятно, в каком состоянии там Кирилл. Вдруг он там безрукий, безног...

– Люда!!!

Я вздрогнула.

Отчим рывкнул так, что мама от него отпрыгнула к раковине, а Мишка примчался из зала.

– Дед Коля, ты чего? – он по-детски непосредственно протолкнулся к столу и завертел головой. – Ма-ам?

– Значит, так, доча, – отчим повернулся ко мне. – Ты билет взяла? Ехать куда, знаешь?

От его «дочи» у меня в глазах зашипало.

Вот уж от кого, а от дяди Коли я точно не ожидала такой реакции.

– Коля...

– Цыц! – он опять повернулся к маме. – Как тебе не стыдно, а? Дача! Тьфу! Ксюша?

– Знаю, – я закивала. – И билет есть.

– Вот и все. Миха, пошли в шахматы доигрывать! И ужин готовьте, сидите, языками чешете ни о чем!

Он вышел, утаскивая за собой моего сына, а я посмотрела на маму.

Она была недовольна. Не тем, что ей придется с внуком сидеть, а тем, что на нее дядя Коля накричал. И мне стало неловко. У самой проблемы с мужем, так еще и маме наделала я дел.

– Мам...

– Ой, все! – она отвернулась на меня. Залезла в шкафчик, достала большую сковороду.

– Картошку чисть, пожарим. Мужиков кормить надо.

Я вздохнула.

Бесполезно к ней подходить. Уговаривать бесполезно. Я тоже свою мать знала. Присела, открыла дверки под раковиной, подвинула к себе ведро с картошкой и взяла с мойки нож. Срезала с одной картофелины кожуру, взялась за вторую и услышала тихий сдвленный всхлип.

– Мам, – я оглянулась на нее.

Она, стоя ко мне спиной, махнула рукой, но я уже видела, что плечи трясутся.

– Мама, – я встала.

Подошла к ней, обняла, положила голову на плечо.

– Мам, ну, не плачь...

– Ты думаешь, я из-за дачи? – она давилась слезами. – А я за тебя переживаю, Ксюшка. Ты помнишь, как отец уходил? Как ты с Кириллом будешь, если...

Она не договорила, снова заплакала, завывала тихонечко.

А я зубы сжала. Помню. Папа ушел быстро, за месяц сгорел. Но этот месяц нам адом с ней показался. Беспамятный лежачий и тяжелый мужчина это сложно для женщины и молодой девчонки-подростка.

– Ты ведь не представляешь, каково это для женщины, ты девчонка была, – мама опять заговорила. – А отец хоть себя не помнил часто. А если бы в сознании был? Они ведь злятся от бессилия, а твой Кирилл...

– Все будет хорошо, мам, – я гладила ее по плечам. Сама не верила в свои слова, но говорила. – Все хорошо будет.

– Ох, – она тяжело выдохнула. Опустила плечи, расслабилась. – Езжай, Ксюш. Езжай. Да звони оттуда, ладно? Сразу же, как что узнаешь. Я же с ума сойду.

– Мам, ты только свекру не говори ничего, ладно? Если вдруг он позвонит и спросит что. Потом...

– Ладно, – она закивала. – Ладно.

– Спасибо.

Я поцеловала маму в щеку.

Стало полегче. И мне, и ей. Она проплакалась, я поняла, что меня родители не бросают. Планы не нарушаются, я завтра рано утром поеду в госпиталь. Увижу мужа уже к вечеру.

Узнаю, что с ним случилось.

Я завела лезвие ножа под кожуру очередной картофелины и надавила на рукоятку. Картофельный сок смочил пальцы.

Я узнаю, действительно ли Кир хочет со мной развестись.

Глава 11

– Ой!

– Аккуратнее, – меня подхватил под локоть незнакомый высокий мужчина. – Давайте, помогу.

– Спасибо! – я уже и сама схватилась за поручень вагона, отдала ему свой маленький чемоданчик, потому что он требовательно протянул руку.

Спустилась на перрон, убрала опавшие вперед волосы.

– Спасибо!

Он вежливо улыбнулся, хотя глаза остались равнодушными.

Отдал мне чемодан и пошел к большому вокзалу, придерживая указательным пальцем кожаный портфель, чтобы не качался. Я себя одернула. Большой город, Ксюш, тут не до улыбок. Совсем ты одичала в своем гарнизоне, а тут люди спешат, им расшаркиваться некогда.

Так.

Я оглянулась вокруг.

Мне тоже нужно к выходу. Адрес военного госпиталя, где лежит сейчас Кирилл, Надя мне прислала. И отделение, и даже фамилию лечащего врача. Я торопливо пошла вперед, лавируя между толпами людей.

Время? Уже за полдень перевалило. Я зашагала быстрее.

Дошла до вокзала, сориентировалась, где находятся камеры хранения. Люди, везде люди! Я чувствовала себя немного потерянной, но упрямо делала то, что было нужно. У меня нет времени сомневаться и бояться, Кир ждет.

Когда я упала в такси, немного выдохнула.

Не ждет.

Он вообще не знает, что я приехала. И он выслал мне доверенность на развод.

Я отвернулась в окно. Машина ехала по городу, то ускорялась на прямых улицах, то замедлялась. Вставала в небольшие пробки перед светофорами. Водитель не обращал на меня никакого внимания, и мне это показалось благом. Чем ближе конечный пункт моего назначения, тем сильнее меня начинало трясти.

Мне страшно.

Как бы я ни храбрилась, чувствовала себя как на минном поле.

– Здравствуйте, – я подошла к домику госпитального КПП. Окошко было открыто и оттуда сильно тянуло табачным запахом.

– Здравствуйте. К кому? – я не видела лица охранника, но видела его руки: обычная черная форма.

Военные тут лечатся под присмотром обычных чоп-овцев?

Меня почему-то это сильно удивило.

– Девушка?

– У меня мужа сюда доставили, – я очнулась и заторопилась. – Смолин Кирилл Олегович, в нейрохирургии лежит.

– Рядовой? – голос охранника был прокуренным, хриплым.

– Подполковник, – мне стало не по себе почему-то.

– Ждите, щас узнаю.

Окошко перед моим лицом захлопнулось так резко, что я даже отпрянула. Это он так от меня прячется? Чтобы я разговор не слышала, что ли?

Что с Кириллом?

Я переплела пальцы и заломила одной рукой другую. Ждать, ждать... Я всю жизнь его жду! Из нарядов, из командировок, а теперь еще и здесь должна ждать!

– Проходите, девушка, - окошко распахнулось, когда я уже почти заскулила. – Шас налево, там увидите здание четырехэтажное, нейрохирургия там. Спросите.

– Спасибо! – я бросилась к калитке госпиталя почти бегом.

– Пропуск-то возьмите, эй!

Бесконечные пять минут, пока хриплый дядька, лица которого я так и не увидела, списывал данные с моего паспорта в свой журнал, я изнывала. Разглядывала большие белые здания госпитального комплекса за решетчатыми воротами и страдала уже почти физически.

– Спасибо! – я схватила небольшую белую картонку с моей фамилией и все же побежала к калитке.

Чихать я уже хотела, что он мне ни разу «пожалуйста» не сказал. На все мне плевать сейчас!

Нейрохирургия нашлась быстро.

Я прошла в здание, уточнила у дежурного на первом этаже, туда ли я попала и пошла по лестнице на третий. А вот войти в двойные двери – не смогла. Буквально метров пять не дошла. Свернула резко к одному из широких подоконников, оперлась на него двумя руками.

Кирилл там.

Мужчина, с которым я уже столько лет вместе. Которого я любила и люблю до сих пор. От которого я родила сына и за которым поехала туда, где отчаянно несчастна. Где я ничто. Даже для него уже, кажется, я никто...

– Девушка, с вами все в порядке? – мне на плечо опустилась чья-то ладонь.

– А? – я испуганно обернулась. Задумалась так, что даже не слышала шагов девушки-медсестры.

– С вами все в порядке? – она чуть нахмурилась. – Вы к кому-то пришли?

– Д-да, – я запнулась.

В душе поднялась непривычно жаркая волна.

Это здесь такие медсестры работают?

Девушка была красивой как кукла. Молоденькой совсем, с лицом-сердечком и пышными кудрями. Она их пыталась спрятать, было заметно, под шапочку, но они упруго выбивались.

– Вас проводить? – сестра будто поняла что-то и легко улыбнулась. – К кому вы пришли?

– К Смолину, – мне стало стыдно за свои мысли. О чем я, Боже. – К подполковнику Смолину.

– А, – она понятиливо кивнула. – Понятно. Ну, пойдемте, я вас к его лечащему врачу отведу вначале, он как раз только приехал. Если он разрешит посещение, то...

А если нет?

Я пошла за девушкой на ватных ногах. Прошла в двери отделения, настраивая себя на все, что угодно. Она поняла, что я говорю про Кирилла, поняла. И повела меня к врачу. Значит...

– Дмитрий Сергеич, к вам посетитель, – медсестра передо мной распахнула дверь с табличкой «Заведующий отделением».

– Хорошо.

Она отступила, давая мне дорогу, и чуть взмахнула ладонью.

– Спасибо, – я взялась за ручку.

– Да не за что!

Господи, хоть кто-то тут знает вежливые слова...

Я открыла дверь пошире и сделала только один шаг в кабинет. Да быть такого не может...

– Даже так, – тот самый мужчина, который помог мне на вокзале выйти из вагона, поднял брови на секунду. – Что ж, я так понимаю, это вы к Смолину приехали?

– Я, – я вцепилась в сумку обеими руками.

Какой он... Холодный человек.

– С КПП звонили, да. Вы подполковнику кем приходитесь? – он показал на стул перед своим столом. – Да вы присядьте.

– Жена, – я шагнула ближе и кое-как опустилась на предложенное место.

– Понятно. Нервная система в каком состоянии? – заведующий на меня даже особо не смотрел. Начал что-то искать в ящиках своего стола.

Не нашел, встал, открыл шкафчик со стеклянными дверками. А я все это время следила за ним взглядом. Прикипела к нему! Это ведь он лечит Кирилла. Он может мне все рассказать...

– Не знаю, – я растерялась от такого вопроса.

– Валерьянку переносите нормально? – он нашел в своем шкафу маленький пузырек и встряхнул его.

В затемненном стекле звякнули маленькие таблеточки.

– Зачем мне валерьянка? – сердце будто когтями кто-то схватил.

Жуткими. Острыми. Безжалостно холодными. По коже, по костям потек мороз. До самых пяток...

– Пейте, – он положил передо мной две небольших овальных таблетки, а потом налил стакан воды.

– Зачем?!

– Поверьте, я знаю, что делаю, – он внимательно посмотрел на меня. – Пейте, а потом поговорим.

– Что с Кириллом?!

Врач еще раз посмотрел на меня, а потом вздохнул. Подвинул свое кресло обратно к себе, сел. Взял ручку, которая лежала перед ним на документах. Задумчиво постучал ею по ним.

– Знаете, что? Уговаривать вас в мои задачи не входит. И времени у меня на вас не то, чтобы много. Не хотите – не надо.

Я уже отчаянно жалела, что не взяла успокоительное.

В глазах темнело. Не зря он ведь меня готовит, да? Не зря.

– Пойдемте, – врач снова встал.

– Куда? – он пугал меня своей порывистостью.

– В палату. Вы же к мужу приехали? Покажу вам его.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.